

* Полная пословица звучит: «Старый поступает непорядочно, молодые его не уважают» (□□□□□□□□).

— Крошка, куда бежишь? — Цзян Хуань* играл в жмурки с несколькими наложницами. Бывший командир Цзиньвэй, этот старый развратник, обладающий невероятным влиянием при дворе, с чёрной повязкой на глазах носился по саду то на запад, то на восток.

* Цзян Хуань (□□) — тоже реальная историческая личность, был командиром Цзиньвэй, у него даже есть страничка на Википедии, так что при желании можете немного проспойлерить себе сюжет.

Три наложницы, ловко уворачиваясь, звонко смеялись:

— Попробуй поймать! Лови нас!

Цзян Хуань громко завопил, и его морщинистое лицо расцвело, словно цветок.

Он рыбкой прыгнул ввысь, обхватил кого-то за талию и рассмеялся:

— Попалась, крошка! С тебя поцелуй!

Внезапно Цзян Хуань почувствовал неладное. Он взвесил пойманного человека на руках. Слишком тяжёл. С подозрением склонив голову набок, он потрогал грудь. Плоская. Цзян Хуань в ужасе сорвал повязку, и перед ним предстало утонченное лицо.

Воспользовавшись удобным случаем, Юньци прильнул к Цзян Хуаню и с каменным видом произнёс:

— Шифу, давно не виделись.

— Ха-ха-ха! — Юньци, задыхаясь от смеха, поспешно поклонился и тут же убежал подальше.

— Мелкий сукин сын*! Что ты здесь делаешь! Даже в праздник не даёшь шифу покоя! — Цзян Хуань нахмурился, встопорщив усы и выпучив глаза.

* Досл. «маленький заячий сосунок» (□□□□).

Тоба Фэн не сдержался и фыркнул от смеха:

— Мы пришли вас проведать на праздник.

Цзян Хуань, чьё недостойное старца поведение раскрылось пред двумя учениками, от смущения покраснел и хрипловатым голосом пробурчал:

— Ну, проведали? А теперь ступайте, парочка, и развлекайтесь сами. Не ждите, что старик будет вас угощать.

Но, несмотря на эти слова, он всё же приказал слугам накрыть пир. С наступлением темноты он позвал Тоба Фэна и Юньци за стол.

— Здравствуйте, шинян*.

* Досл. «матушка-наставница» (□□), уважительно о жене учителя.

Тоба Фэн и Юньци встали, чтобы поприветствовать ее, а припозднившаяся жена Цзян Хуаня улыбнулась и села за стол:

— Всё же ученики внимательны.

Госпожа Цзян налила им вина и сказала:

— Чжуаньюаньхун* крепко бьёт в голову. Юньци, смотри, не давай учителю перебрать.

* Чжуаньюаньхун — вид крепкого китайского вина. Досл. «Вино победителя на столичных экзаменах» (□□□). Это ферментированное рисовое вино, изначально готовившееся на случай рождения мальчика и символизирующее его будущие академические достижения, так как только мужчины могли сдавать императорские экзамены.

С этими словами она покинула пир, оставив Цзян Хуаня, Сюй Юньци и Тоба Фэна, троицу из учителя и двух учеников, выпивать одних.

— М-м... — Цзян Хуань кивнул, и Тоба Фэн подал всем вина:

— Мы уже полгода вас не навещали. Поднимаю тост за шифу.

Цзян Хуань ответил:

— Бросьте. Сегодня праздник Циси, зачем вам церемониться с этим стариком? Давайте, пейте.

Юньци улыбнулся:

— Шифу, после возвращения мне нужно будет расследовать дело, поэтому я не могу пить. Подниму вместо вина чай.

Цзян Хуань не стал расспрашивать о деле и пристально уставился на Юньци:

— Какое ещё дело? В праздник и не пить — где это видано?

Тоба Фэн поспешно вмешался:

— Я выпью за Юньци.

Цзян Хуань наконец сдался:

— Пусть Фэн-эр* за него выпьет.

* «-Эр» (尔) — уменьшительно-ласкательный суффикс.

Цзян Хуань осушил бокал и ахнул. Вздвогнув, он спросил:

— Как вам работается на новых должностях?

Тоба Фэн задумался, а затем вкратце рассказал о дворцовых делах, упомянув историю с Фан Сяожу. Цзян Хуаня это тронуло, и он произнёс:

— Юнь-эр поступил правильно. Семья Фан все еще является семенем образования*, из поколения в поколение порождающим учёных. Нельзя быть к ним слишком жестокими. Давайте, пьём.

* «Семя образования» (种子) — обр. о непрерываемой связи поколений образованных людей.

Тоба Фэн и Цзян Хуань перекидывались друг с другом вином и поднимали тосты. На каждую речь Тоба Фэн выпивал по две чаши, и вскоре огромный кувшин Чжуаньюаньхуна опустел. В конце концов, не выдержав крепости вина, его сознание затуманилось под влиянием алкоголя.

Цзян Хуань, напротив, был пьян до такой степени, что лицо его разрумянилось. Увидев, что старший ученик сдался, он громко высмеял его, хлопнув по колену, и наконец оставил Тоба Фэна в покое.

Когда пир закончился, Цзян Хуань зашёл в кабинет и, глядя слегка пьяными глазами, спросил:

— Что за дело ты расследуешь?

Юньци улыбнулся:

— Шифу, вы что... специально споили шисюна, прежде чем спросить?

Цзян Хуань махнул рукой:

— Эта деревянная башка всё равно не поймёт. Проще его сподить.

Юньци с улыбкой подробно изложил результаты сегодняшнего расследования, не упустив ни малейшей детали, и честно упомянул даже историю со сварливой женщиной, выгнавшей мужчину из переулка.

Цзян Хуань закрыл глаза и выслушал в общих чертах, покачиваясь на деревянном стуле:

— В Министерстве финансов нет такого имени?

— Да, — почтительно ответил Юньци. — Ночью я хотел с шисюном снова отправиться в деревню Ли, но он напился до такого состояния...

Цзян Хуань кивнул:

— М-м, одному тебе идти нельзя.

Цзян Хуань погладил бороду:

— Дело, порученное императором... здесь точно что-то нечисто. Ты всегда умен, но в этот раз оплошал, едва не прекратив расследование.

Юньци почтительно поклонился:

— К счастью, шисюн осознал всю серьёзность дела. Бремя Цзиньвэй на одних моих плечах не удержать.

Цзян Хуань произнёс:

— Ваши характеры взаимно дополняют друг друга. Ты слишком самоуверен, поэтому тебе нельзя ни на миг покидать Фэн-эра.

Юньци, чьи нити расследования зашли в тупик, всего лишь пришёл за советом, но вместо этого получил выговор. Он смущённо пробормотал:

— То, что вы сказали, верно. Шифу мудр.

Цзян Хуань с удовлетворением произнёс:

— Само собой. Иначе как бы я, учитель, выдвинул тебя на пост заместителя командира?

Юньци, улыбаясь, сложил руки в рукава и замолчал.

Цзян Хуань, восстановив ход событий, спросил:

— Тот убийца с молотом, он убил жертву с первого удара или раздробил череп несколькими ударами?

Сердце Юньци тотчас содрогнулось, словно рассеялся туман, открыв луну. Он ответил:

— С первого удара!

Цзян Хуань усмехнулся:

— Невероятная сила, точность. Возможно, он бывший солдат. Или каменщик, кузнец.

Юньци кивнул:

— Верно. Каменщики и кузнецы умело работают молотом.

Цзян Хуань неторопливо продолжил:

— Какая была травма? Можно ли увидеть, был ли удар горизонтальным, боковым или...

Юньци внезапно осенило:

— Ранение было на затылке, а не на макушке!

Цзян Хуань усмехнулся:

— В таком случае, это вряд ли ремесленник. Кузнецы и каменщики бьют молотом сверху вниз...

Единственная возможность...

Юньци, со слезами на глазах, волнительно воскликнул:

— Военный! Ван Ху точно военный! Шифу, вы гений! Я отправляюсь в Военное министерство проверить именные списки!

Цзян Хуань сказал:

— Стой. В городе столько разных родов войск, имён море. Как ты будешь искать?

Юньци ответил:

— Потрачу побольше времени...

Цзян Хуань прищурился:

— Ты всё ещё так опрометчив?

Юньци растерянно замер, но Цзян Хуань продолжил:

— Завтра отправишься в Военное министерство и начнешь с проверки именных списков солдат, воевавших в прошлые годы и недавно вернувшихся в столицу. Как насчет этого?

Юньци почувствовал опасную атмосферу и кивнул. Цзян Хуань произнёс:

— Ступай. Если я, учитель, не ошибаюсь, это дело точно окажется серьезным.

Юньци понимал, что дальнейшие расспросы бесполезны. В этот момент он вновь испытал глубочайшее восхищение к этому старому пройдохе. Подобрал полы одежды, он опустился на колени, поклонился до земли и удалился.

Тоба Фэн, пьяный в стельку, тыкался носом в шею Юньци, шатаясь то влево, то вправо. Обняв его за плечи, он ковылял в сторону императорского дворца.

— Предвзятый старикан... — недовольно пробурчал Тоба Фэн, а затем, внезапно остановившись на ровном месте, продемонстрировал приём «Пьяный кулак» и заорал: — Предвзятый старикан!

Юньци смеялся до боли в животе, утешая его:

— Старик любит меня, значит, любит и тебя. Это одно и то же... Ты пьешь уксус из-за шиди*?

* Пить уксус (醋) — обр. ревновать.

* Шиди (小弟) — младший соученик.

— М-м... — Тоба Фэн кивнул, обвившись вокруг Юньци, и позволил тащить себя обратно.

Тоба Фэн, пропахший винными парами, бормотал:

— Потрогай уши шисюна...

«?» — Юньци замер в недоумении.

Тоба Фэн, пошатываясь, схватил руку Юньци, потянул её к своему уху, а затем к уху Юньци и спросил:

— Мягкие?

«...»

Юньци, не зная, смеяться или плакать, кивнул:

— Мягкие, мягкие уши.

Покачиваясь, они добрались до главного двора, и Юньци наконец вздохнул с облегчением:

— Бездельники! Идите встречать вашего командира!

В прохладную ночь Циси Млечный Путь висел над землёй, и повсюду рассыпались летающие светляки.

Стражи Цзиньвэй закончили смену, и десятки молодых людей расположились во дворе группами по несколько человек. Они шумно болтали и смеялись, каждый с веером от светляков в руке. Картина летней ночи поистине была воплощением строк: «Веером отгоняю порхающих светляков, на две звезды гляжу я — Ткачиху и Пастуха»*.

* Стихотворение поэта династии Тан Ду Му «Циси» (七夕). Полное стихотворение: «За расписную ширму холод проник суров, веером я отгоняю порхающих светляков. На Трёх Небесных Ступенях осень лежит тиха, и на две звезды гляжу я — Ткачиху и Пастуха».

Увидев, что вернулись Юньци и Тоба Фэн, стражи дружно рассмеялись и поспешили к ним.

— Лао-цзы и вправду замаялся до смерти, — Юньци распорядился. — Поставьте два стула вместе, пусть полежит снаружи, подышит свежим воздухом, чтобы протрезветь. Не тащите его на кровать, а то задохнётся. Смотрите, чтобы его не вырвало.

— Куда это вы пропали? Напились в стельку, а братьям даже кувшина не принесли! — один из стражей Цзиньвэй похлопал по вееру из синего шёлка, подбросил его Юньци, и тот ловко его поймал. Юньци сбросил верхнюю одежду, помахивая тонкой рубахой, чтобы создать прохладу:

— Эх! То стариковское вино лучше не пить. Хорошо, что Лао Ба принял на себя несколько чарок, иначе сегодня ночью мы бы не вернулись.

Стражи вновь принялись над ними подшучивать. Юньци занял стул, усадив Тоба Фэна рядом. Тот продолжал тереться губами и переносицей и получил лёгкую затрещину от Юньци. Голова его беспомощно опустилась на колени Юньци, и он пробормотал что-то на тюркском, прежде чем закрыть глаза.

Во дворе повсюду стояли бамбуковые стулья, где можно было наслаждаться прохладным ветерком, а на низких бамбуковых столиках лежали летние фрукты. Во всём огромном дворе не было ни ламп, ни свечей. Стражи Цзиньвэй, используя лыки бамбука и тонкую бумагу, сделали множество маленьких клеток, поймали светлячков и заперли их внутри. Они порхали повсюду, озаряя весь сад ярким светом.

В этот момент светляки кружились вокруг лица Тоба Фэна, погружённого в глубокий сон. Его прекрасные черты озарялись мерцанием, словно россыпью звёзд. Юньци шлёпнул светлячков веером, и тусклые огоньки разлетелись во все стороны.

При слабом свечении он разглядел две строки стихов на веере и с улыбкой прочитал вслух:

— Далеко, далеко в выси неба звезда Пастух, и светла, и светла ночью Дева, где Млечный Путь*...

* Строки Десятого стихотворения из Девятнадцати древних стихотворений «Далеко, далеко в выси неба звезда Пастух...» в переводе Эйдлина Л.З.

— Чжан Цинь, это твоя невеста сделала этот веер? У девушки красивый почерк.

Страж по имени Чжан Цинь лишь улыбался, не отвечая, и поддразнил его:

— Но ровна и ровна полоса этой чистой воды...

— ...Друг на друга глядят, и ни слова не слышно от них, — с понимающей улыбкой продолжил Юньци. Оглядывая товарищей, он втайне подумал о том, как в ночь Циси весь дворец был полон влюблённых пар, а их огромная компания статных юношей совершенно незаметно собралась здесь. Стоило их выпустить во дворец, и одни Небеса знают, сколько бы девичьих слёз и радостей они бы принесли.

К несчастью, стражи Цзиньвэй не могли бродить где попало. Попав во дворец, они обязаны были соблюдать порядок, оставаясь на своих местах, и смириться с участью Пастуха и Ткачихи, разделённых небесной рекой, — что поистине вызывало сострадание.

Летний ветерок лениво колыхал листья платана, под которым порхали светляки. Юньци, наслаждаясь видом, произнёс:

— В этом году Циси проходит довольно хорошо, даже дождя не было. У вас есть какие-нибудь фрукты? Чего вы хохочете? Стишки* сочиняете?

* Имеются в виду популярные народные стихи, названные по имени поэта Чжан Да-ю эпохи Тан (□□□). Это юмористические и короткие стихи, в которых также могут содержаться загадки.

Жун Цин, смеясь, закатал рукава и стал копать под карнизом, приговаривая:

— Сегодня прислали богатые дары во дворец. Всего два набора: один поднесли императору, а другой отправили прямо в наш двор...

Юньци с улыбкой спросил:

— Я не ослышался? Молодой господин какой семьи так расщедрился?

Жун Цин немного покопался и принёс нефритовую чашу, поставив её на бамбуковый столик рядом с Юньци. В чаше лежал лёд, а сверху — прозрачная сочная мякоть фруктов.

Юньци воскликнул в изумлении:

— Личи?!

Жун Цин ответил:

— Твой зять, принц, вечером прислал двадцать корзин. Видя, что вы с Лао Ба не вернулись, я решил раздать их братьям. Осталось только две корзины.

Юньци беспомощно вздохнул:

— Ну, ешьте. Вам выпал случай полакомиться только благодаря моей удаче. Не забывайте об этом.

Стражи дружно рассмеялись:

— Само собой.

Аппетит Юньци разыгрался. Не утруждая себя мытьём рук, он схватил еду. Тоба Фэн втянул носом воздух и проснулся.

Он, в полудрёме, пробормотал:

— Дай шисюну тоже перекусить. Что это за фрукты?

— И как только у тебя такой острый собачий нюх? — усмехнулся Юньци. Он покормил Тоба Фэна несколькими плодами, а затем приказал: — Жун Цин, собери одну корзину и найди снаружи маленького евнуха. Пусть отнесёт внуку императора.

Жун Цин сказал:

— Тебя всю ночь искали люди из дворца Жэньдэ. Несколько раз спрашивали. Ты договаривался с внуком императора о встрече?

Юньци ответил:

— Нет. Когда кто-нибудь придет, пусть заодно передаст по пути. Давайте! Все сюда, сюда, развлечемся вместе.

Стражи со смехом расставили бамбуковые стулья, собравшись в круг. Одни ели фрукты, а другие пили чай, непринуждённо болтая. Жун Цин, сорвав ветку изменчивого гибискуса, предложил:

— Давайте поиграем в передачу цветка. Пусть тот, у кого он окажется, расскажет историю о своей детской влюбленности*. Согласны?

* Досл. «зелёные сливы и бамбуковые лошадки» (青青马) — обр. о детской непосредственности и чистоте, о дружбе с детства; о влюбленных, которые дружили и играли с детства.

Стражи дружно одобрительно воскликнули. Устроив шумное празднество, они застучали по бамбуковым столикам. Цветок начал переходить из рук в руки молодых людей.

Когда он останавливался, получивший его страж рассказывал увлекательную историю о юношеской любви, порой вызывая всеобщий смех и одобрительные возгласы, а порой — вздохи сожаления.

Стражей Цзиньвэй набирали исключительно из сыновей чиновников и отпрысков военных семей. С тринадцати лет они поступали под начало Цзян Хуаня, четыре-пять лет обучаясь боевым искусствам.

Среди тринадцатилетних юношей нынешней династии было уже немало тех, кто всю жизнь рассуждал о женитьбе, да и к премудростям любовных дел они приобщились рано. Беседы их вертелись вокруг одного: какая девушка из знатной семьи образованна и воспитана, искусно читает стихи и пишет парные надписи, сведуща в древности и современности.

Кто-то заявлял, что добродетель женщины в отсутствии талантов, и намного лучше — быть умелой в рукоделии и шитье. И вот, пятеро-шестеро юношей, направив внутреннюю силу, стали швырять цветок бумажными веерами, словно игровой мяч.

Вскоре цветок оказался в руках Юньци, и шум стих.

Юньци заявил:

— Я с детства сирота, и меня отправили во дворец. Какие уж тут зеленые сливы и бамбуковые лошадки?.. Не пользуйтесь случаем поиздеваться над Лао-цзы, найдите другого игрока!

Стражи громко запротестовали, и кто-то крикнул:

— А Лао Ба? Вы же рядом сидите. Пусть он расскажет!

Тоба Фэн, пьяно бормоча, произнес:

— М-м... Бамбуковые лошадки становятся парой.

Юньци тряхнул в их сторону веером, отмахнувшись, и сказал:

— Он ещё не протрезвел. Не слушайте его бред.

Стражи смеялись без остановки. Юньци подумал и с лёгкой улыбкой произнёс:

— «Зеленых слив» не было, зато на «бамбуковых лошадках» носились каждый день. Жаль, что это всё дружеские чувства, и к ситуации не подходит.

Тоба Фэн шевельнул ушами и продрал покрасневшие от выпивки глаза:

— Какие чувства? Давай, рассказывай. Эти фрукты вкусные, дай ещё.

Юньци покормил его личи, приложив прохладную ладонь к пылающему уху:

— Когда-то мы с Лао Ба обучались боевым искусствам на императорском учебном плацу. Один малыш целыми днями бездумно смотрел на нас с края поля. Угадайте, кто это был?

— Кто? — спросили все.

Юньци загадочно произнес:

— В том году мне было шесть, Лао Ба — девять, а малышу — пять.

Тоба Фэн закрыл глаза и едва слышно вздохнул.

— Лао Ба того малыша невзлюбил, каждый день обижал, — невозмутимо продолжил Юньци.

Стражи подшутили:

— Лао Ба ревновал.

Юньци возразил:

— Чушь. Какая ревность в девять лет?

Чжан Цинь с любопытством спросил:

— Ребёнок во дворце, кто бы это мог быть?

Юньци ткнул веером и усмехнулся:

— Ну вот, пришёл.

Чжу Юньвэнь в короне с ночными жемчужинами, облачённый в светло-лиловый парчовый наряд и с хрустальным светильником в руке, внутри которого мерцал огонёк свечи, вошёл во двор, сопровождаемый юным евнухом, и воскликнул:

— Юньгэ-эр, наконец-то я дождался твоего возвращения.

Чжу Юньвэнь, впервые посетивший двор Цзиньвэй, заставил всех в панике подняться для приветствия. Стражи бросились в комнаты переодеваться в парадные наряды фэйюйфу. Однако Юньци, усмехнувшись, сказал:

— Не беспокойтесь. Оставайтесь как есть, переодеваться не нужно.

Потом, обратившись к Чжу Юньвэню, он добавил:

— На мне висит огромная гиря, так что я не встану для приветствия. Думаю, внук императора не осудит.

Чжу Юньвэнь рассмеялся, передал хрустальный светильник придворному евнуху и велел тому удалиться. Расправив полы одежды, он сел на стул. Стражи Цзиньвэй, извинившись, разошлись и поднялись вверх, прильнув к перилам и с любопытством вглядываясь во двор. Они не понимали, зачем сюда пожаловал внук императора.

Чжу Юньвэнь раскрыл складной веер, лениво помахивая им:

— Юньгэ-эр, рана от батогов заживает?

В этот момент его взгляд встретился с глазами Тоба Фэна, лежавшего на коленях Юньци. В этом взоре чувствовалась звериная ярость, от которой Чжу Юньвэнь невольно содрогнулся.

Тоба Фэн закрыл глаза и равнодушно произнёс:

— Внук императора напрасно беспокоится. Фэн уже его вылечил.

— Ты сегодня ночью выходил из дворца повеселиться? — спросил Юньци, подавая ему фарфоровую чашу. — Личи от принца Янь. Позже велю слугам отнести остаток во дворец Жэньдэ. А пока возьми охлаждённые...

Не дослушав, Чжу Юньвэнь, сохраняя детскую непосредственность, радостно воскликнул:

— Личи!

Не обращая внимания на то, что это были недоеденные фрукты, он схватил их и отправил в рот.

Юньци не знал, смеяться или плакать, размышляя: «Чжу Ди одарил личи всего два места во всём дворце. Он действительно оказал мне большую честь».

Чжу Юньвэнь, продолжая жевать, сказал:

— Мне запретили покидать дворец. Я пришёл сюда втайне от Великого воспитателя. Есть кое-что, что я хотел бы сказать тебе, Юньгэ-эр.

Юньци лишь улыбался, не ответив. Тоба Фэн насмешливо фыркнул.

Чжу Юньвэнь, не заметив этого, улыбнулся:

— Помнишь Циси два года назад?

Юньци с улыбкой ответил:

— Как же забыть? Тебе было скучно, и захотелось сбежать из дворца. Ты переоделся в маленького евнуха, я посадил тебя на плечи, и мы полезли через стену императорского сада... Стражи дворцовых ворот гнались за нами пол-Нанкина...

В глазах Чжу Юньвэня заиграли весёлые искорки:

— Ты взял меня покататься на лошади.

Юньци ответил:

— М-м, этот верный пёс мастерски владеет верховой ездой и запутал их до головокружения. С чего ты вдруг вспомнил об этом?

Чжу Юньвэнь усмехнулся, оставив пустую фарфоровую чашу:

— Внезапно, сам не знаю почему, вспомнил. А ещё тот раз в шесть лет, когда седьмой двоюродный брат* меня избил?

* Досл. «двоюродный старший брат по отцовской линии» (□□).

Юньци возразил:

— Не избил, а в открытую напал.

Чжу Юньвэнь громко рассмеялся:

— Ты поймал для меня сверчка в императорском саду, и я взял его и пошёл к седьмому двоюродному брату устроить бой. Но тот жульничал и, проиграв, отказался признать поражение. Ещё и раздавил моего сверчка ногой!

Юньци, подумав, продолжил:

— Ты тогда с ним подрался. Одному было не справиться, и я прибежал тебе на помощь. Он схватил тебя за одежду, ты — меня за одежду. Потом он позвал своих приближённых слуг, а те других... Как снежный ком, все перерастало в массовую драку, и в итоге десяток человек наказали стоянием на коленях на целый день. И только после мольбы моей сестры император нас отпустил.

Чжу Юньвэнь с понимающей улыбкой произнес:

— Именно так.

На втором этаже двора, за красными перилами, стояло несколько стражей. Небольшими группами они облокачивались на них и беседовали, но сердцем находились не там, поскольку развесили уши, слушая о происходящем между Юньци и внуком императора во дворе.

Чжу Юньвэнь окинул взглядом верхний этаж и слегка смутился, сложив веер.

Юньци, видя его намерение уйти, распорядился:

— Жун Цин! Принеси личи и проводи внука императора!

Чжу Юньвэнь поспешно замахал руками:

— Не беспокой старших братьев. Передай их маленькому евноху у ворот, я сам вернусь.

Юньци ответил:

— Ладно. Гирия всё ещё на мне, так что провожать не стану. Возьми светильник со светлячками со столика. Ночью повесишь под пологом и полюбуешься.

Чжу Юньвэнь взял светильник, повернулся и на мгновение замер. Юньци спросил:

— Совсем забыл. Ты ведь прибежал сюда не просто так? Что хотел рассказать?

Чжу Юньвэнь, казалось, некоторое время колебался, а затем ответил:

— Юньгэ-эр, когда однажды я стану императором, то обязательно буду хорошо к тебе относиться.

Мгновенно во дворе воцарилась тишина. Перешёптывающиеся стражи замолчали, затаив дыхание и устремив взгляды на Юньци и Чжу Юньвэня вниз.

Спина Юньци покрылась холодным потом, он тихо произнёс:

— Юньвэнь... Наследный принц ещё не назначен. Что бы ты ни услышал от других, никогда не говори таких слов. Достаточно того, что я храню твои дружеские в своем сердце.

Юньци, подумав, добавил:

— То, назначит ли император тебя наследным принцем, не влияет на наши с тобой отношения. Не обращай внимания на других.

Чжу Юньвэнь с улыбкой повернулся, держа в руке светильник со свечками:

— Хорошо, понял. Ложись спать пораньше.

Юньци серьёзно кивнул. После ухода Чжу Юньвэня Тоба Фэн фыркнул несколько раз, поднялся, пошатываясь, пнул дверь ногой и устремился в свою комнату. Стражи разошлись, и ночь прошла в безмолвии.

На следующее утро Юньци проснулся рано. Открыв дверь и выйдя во двор, он увидел, что там собралась целая толпа.

Помимо шести стражей, которые сейчас были на дежурстве, присутствовали все сорок два члена Цзиньвэй.

Юньци, в полном недоумении, спросил:

— Что такое? Устраиваете массовую драку?

Жун Цин рассмеялся:

— Награди, награди нас! Юньгэ-эр! Вынь свои припрятанные деньги и раздай братьям. Всё равно уже не понадобятся.

Жун Цин почтительно сложил руки, и сорок один страж Цзиньвэй синхронно поклонились.

Жун Цин провозгласил:

— Поздравляем заместителя командира! Сегодня на утренней аудиенции император назначил внука императора наследником престола и высочайше объявил об этом всему миру!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326065>